

А.В. Беляков

Изменение статуса г. Касимова в XV–XVII в.

Благодаря традиции размещения в городе служилых Чингисидов и их многочисленных дворов, Касимов занял уникальное положение в Русском государстве XV–XVII в. При этом его статус претерпевал со временем определенные изменения. Попытаемся их выявить.

На первом этапе он стал площадкой, на которой опробовали формы материального содержания служилых татарских царей и царевичей. В литературе отмечалось, что выезды Чингисидов в русские земли начались еще в XIV в. и были связаны с «замятнями», время от времени происходившими в Орде [22, с. 128–129; 12, с. 149–150; 14, с. 6–7]. В этот период они рассматривали русские земли как составную часть улуса Джучи. Поэтому отдельные представители «золотого рода» как коллективные вотчинники рассчитывали переждать здесь тяжелые времена. К подобным царевичам следует отнести детей хана Золотой Орды Тохтамыша Джелал ад-Дина и Керим-Берды. Русские князья не могли отказать таким Чингисидам. Тем более что каждый казакующий царевич со временем мог стать ханом. Нам неизвестна форма материального содержания подобных представителей «золотого рода». Однако вполне вероятно, что их содержание должно было составлять значительную часть великокняжеских доходов. Тем более что Чингисиды появлялись здесь со своими дворами. Возможно, это была смешанная форма, состоявшая из натуральных и денежных дач. Сведений о передаче им городов с уездами у нас не имеется. В данное время царевичи могли покинуть территорию русских княжеств в любое время по своему желанию. Статус любого Чингисида в это время был значительно выше Рюриковичей. Любой из царевичей по своему положению находился выше великого князя. Его положение соответствовало статусу эке нойонов (великие эмиры, нойоны-тысячники), удельным князьям соответствовали нойоны, в более позднее время улугбеки и беки [20, с. 30–31].

Ситуация начинает меняться, когда в Москве начали осознавать свою силу и стали стремиться к одностороннему разрыву даннических отношений со слабеющей Ордой. Можно предположить, что появление царевича Бердедата ибн Худайдата, упоминаемого в Москве в 1445/46 г., относится именно к этому промежуточному периоду, когда тот или иной казакующий Чингисид приглашался со своим отрядом в Москву для участия в конкретных военных операциях. А.А. Горский видит в нем служилого царевича и считает, что в этом Василий II пошел по стопам своего деда Витовта [12, с. 148]. До этого отдельные русские князья уже использовали отряды Чингисидов. Так в 1399 г. князь Семен Дмитриевич Суздальский захватил Нижний Новгород при помощи царевича Ентяка. В 1410 г. царевич Талыч в союзе с Даниилом Борисовичем Суздальским разорил г. Владимир [21, с. 76, 168.] Однако, отмечая подобные известия, следует обязательно разделять походы, совершавшиеся по инициативе Чингисидов, от походов, инсценированных Рюриковичами. В приводимых случаях инициаторами являлись русские князья. Получив обговоренную сумму за службу, Чингисид покидал пределы русских княжеств. Мы можем предположить, что это было достаточно ординарным явлением для середины XV в. Имеются летописные известия о посылке московским князем Василием II зимой

1444/45 г. двух татарских царевичей воевать литовскую землю. Тогда они дошли до Смоленска [16, с. 63]. Их имена не известны. Б.Р. Рахимзянов видит в них детей Улуг-Мухаммеда ибн Хасана, Касима и Якуба, прибывших в русские земли по условиям освобождения из татарского плена Василия II [17, с. 362]. А.А. Зимин, отмечая, что Якуб в это время воевал с московским князем, утверждает, что это царевичи Бердедат и Касим [13, с. 102, 245]. По нашему мнению, последнее ближе к истине. По крайней мере, это объясняет, почему Якуб и Касим при выезде к Василию II отмечали что «за прежнее его добро и за хлеб; много бо добра его было до нас» [16, с. 72]. Данная фраза относится скорее к Касиму, а не к обоим царевичам. По-видимому, в момент становления Казанского ханства дети Улуг-Мухаммеда пытались заработать на жизнь, кто как мог. Поступление на службу к русским князьям оказалось более безопасным, нежели набеги на их земли. Самовольный набег царевича Мустафы на рязанские земли зимой 1443/1444 г. закончился смертью Чингисидов [16, с. 61–62]. Таким образом, в ряде случаев царевичи могли восприниматься только как знатные наемники. Это поднимало авторитет великого князя Московского в собственных глазах, глазах подданных и глав сопредельных государств. Вполне возможно, что на появление, приглашение царевичей, определенное влияние оказал и польско-литовский опыт, где их начали успешно использовать в своих целях несколько раньше [1, с. 149–153]. Но, как мы видим, опыт сопредельного государства не переносился автоматически на русскую почву.

На данном этапе Москва принимала далеко не всех претендентов [8, с. 123; 23, с. 273]. Этому есть несколько объяснений: внутренняя и внешнеполитическая ситуации, отсутствие большого опыта использования служилых Чингисидов в новых условиях и, возможно, негативное восприятие татарских царевичей местным населением [13, с. 139]. Первыми в этом списке стали царевичи Касим и Якуб, дети хана Улуг-Мухаммеда ибн Хасана. Возможно, первоначально Чингисиды и их военные отряды содержались по уже традиционной схеме и получали оговоренные дачи за конкретные военные услуги. Со временем, когда стало ясно, что они задержатся здесь надолго, царевичей решили привязать к конкретной территории. Мы не будем говорить здесь о статусе «Касимовского царства-ханства-юрта». Нас интересует другое. Уже неоднократно отмечался тот факт, что в Описи Царского архива XVI в. в ряду шертных и договорных грамот многочисленных касимовских «владельцев» отсутствует упоминание о двух первых царевичах – Касиме и его сыне Даньяре. Скорее всего, правовая сторона их проживания в Московском княжестве была оговорена в устной форме. Перед нами, судя по всему, пример взаимоотношений переходного периода. С одной стороны, царевичи потеряли права коллективного сюзеренитета над русскими землями, с другой – у Москвы не хватает смелости открыто объявить их служилыми Чингисидами, хотя они и являлись ими де-факто. Отметим и другой нюанс, на который еще не обращали внимание исследователи. Будь «пожалование» Касимова вынужденным или добровольным, в любом случае великий князь Московский и Чингисиды поменялись местами. Ранее Рюриковичи получали подтверждение своих владельческих прав в Орде. Теперь инвеститура получалась представителями «золотого рода» из Москвы. Тем самым независимо от причин возникновения и статуса данного образования в проигрыше оказались именно потомки Чингисхана. Ведь они тем самым признали, что Василий II занял положение выше татарских царевичей.

В дальнейшем, когда институт служилых Чингисидов в целом сложился, касимовская модель послужила примером для перенесения данного опыта на иные города. Но при этом город не смог сразу занять первенствующее положение в иерархии городов, жалюемых представителям «золотого рода». На рубеже XV–XVI в. на некоторое время вперед выходят Кашира и Серпухов. Поселенные здесь Чингисиды имели наибольшие права на казанский престол. Окончательное возвышение Касимова произошло только с пресечением первой династии казанских ханов.

В середине XVI в. вполне сложился образ Касимова как места сосредоточения родовых гробниц Чингисидов и обслуживания династического некрополя. С этого момента именно здесь стремились быть похороненными большинство служилых Чингисидов, оставшихся верными исламу. Можно предположить, что определенную роль в этом сыграла ликвидация Москвой самостоятельных Казани и Астрахани. С этого момента у служилых татарских царей и царевичей практически полностью исчезает надежда со временем занять какой-либо престол, и покинуть территорию России. Теперь нужно основательно обустроить свою жизнь на новом месте. Воспользовавшись благосклонностью к себе Ивана Грозного, казанский и касимовский царь Шах-Али начинает создавать в Касимове маленькое подобие Казани. Строит каменные мечеть с минаретом, текие, дворец. Позднее здесь будут построены еще два кирпичных текие касимовского царя Арслана ибн

Али (не сохранилось) и ургенчского царевича Авган-Мухаммеда ибн Араб-Мухаммеда. На старом посаде со временем вырастает обширное татарское кладбище, следы бывшего величия которого были заметны еще в середине XIX в. Вплоть до начала XX в. на татарском кладбище стремились быть захоронены многие мусульмане европейской России. Во многом этому способствовало наличие в городе единственной в России середины XVI – середины XVIII в. действующей каменной мечети [11; 4, с. 153–161]. При этом, однако, следует отметить, что со временем татарская архитектура начинает испытывать значительное русское влияние. Об этом, в частности, говорят не сохранившиеся «готические» ворота дворца царевича Сеид-Бурхана (Василий Арасланович) и русские мотивы в убранстве текие ургенчского царевича Авган-Мухаммеда ибн Араб-Мухаммеда. Русское влияние, безусловно, было заметно и в других сторонах жизни касимовских татар. Хотя данные процессы просто не могли не быть обоюдными.

Во 2-й половине XVI в., когда политический статус служилых татарских царей и царевичей начал стремительно «падать», Касимов смог удержать свое особое положение благодаря тому, что стал своеобразной культурной столицей мусульман во внутренней России. Во многом это произошло с переселением в город части мусульманских (в первую очередь казанских) ученых-богословов и, возможно, ремесленников. Нам трудно в настоящий момент представить жизнь касимовских царей и царевичей второй половины XVI – XVII вв. К сожалению, мы имеем более чем отрывочные сведения. В целом их повседневная жизнь мало отличалась от жизни православной знати. Их жизнь протекала за охотой, пирами, посещением мечети, отмечанием религиозных и народных праздников, повседневными хозяйственными делами. У нас имеются и отдельные упоминания об образовательном уровне служилых Чингисидов. Так П.Алепский сообщает, что касимовский царевич Василий Арасланович (Сеид-Бурхан ибн Арслан) знал философию, арабский, турецкий и персидский языки. Данный список следует продолжить татарским и, скорее всего русским языками. Скорее всего, это была достаточно обычная практика. По крайней мере, в Касимове. Известно, что у касимовского царя Ураз-Мухаммеда ибн Ондана во дворе находился автор «Сборника летописей» (1602 г.) Кадир-Али-бек ибн Хошум-бек Джалаир. Это был компилятивный труд, составленный на основе переработки многочисленных восточных авторов, дополненный сообщениями из биографии Ураз-Мухаммеда [9, с. 382–410]. Для нас он интересен в первую очередь тем, что показывает уровень осведомленности касимовских татар в восточных исторических сочинениях. Можно предположить, что здесь же были известны различные богословские и философские сочинения восточных, а быть может и античных авторов. Книги из библиотек иных Чингисидов (Азим ибн Кучум, Авган-Мухаммед ибн Араб-Мухаммед) продолжали попадать в город и позднее [19, л. 17–19; 5, с. 96–101]. Наличие некоего культурного кружка казанско-ногайского происхождения можно предположить и в касимовском окружении царицы Сююн-бике и, возможно, царя Шах-Али [7, с. 32–44]. Падение Казанского ханства и последовавшая за этим реакция по отношению к исламу могли подтолкнуть часть наиболее образованных его носителей к переезду в Касимов, одно из немногих мест, где они могли чувствовать себя относительно свободно. На основании данных сообщений мы вправе утверждать, что и родившиеся православными дети касимовского царевича Василия Араслановича также получили хорошее для своего времени образование. Книги и образование в татарской среде ценились. Об этом, в частности, говорит значительное число хафизов (абызов) в городе. В 1627 г. их было 6 человек [15; 10, с. 65]. Весьма образованные люди в Касимове имелись и за пределами дворца. Город являлся одним из главных центров комплектования Посольского приказа переводчиками и толмачами ряда восточных языков (татарского (в том числе крымского и ногайского), татарского, арабского и персидского). Об их квалификации говорит, в частности тот факт, что один из них, Имраэль мирза (Михаил) Семенов Кошаев, долгое время возглавлял список переводчиков внешнеполитического ведомства. Некоторые из них создавали целые династии [3, с. 36–42; 2, с. 64–70]. Известно, что касимовский Эмин абыз неоднократно вызывался в столицу для переводов [18]. Скорее всего, Касимов некоторое время являлся достаточно крупным культурным и религиозным центром для мусульман России [5, с. 96–101.]. Отдельные исследователи утверждают, что касимовские ювелиры принимали участие в создании царских одежд и регалий [24, с. 16.]. Однако серьезных подтверждений этому на настоящее время не имеется.

Таким образом, Касимов второй половины XVI – XVII вв. можно рассматривать как некий уменьшенный образ Казани. Здесь велось каменное строительство, создавались литературные произведения, работали татарские ремесленники. Слабым звеном в дальнейшем развитии татарской культуры в регионе стал слишком узкий круг состоятельных заказчиков. Дело в том, что кроме

касимовских царевичей и отдельных членов их дворов, подавляющее большинство служилых татар к XVII в. превратилось в мелких помещиков, владевших в лучшем случае несколькими крестьянами. Серьезный удар по городу нанесли реформы рубежа XVII–XVIII вв. Потеря большинством служилых татар прав дворянского состояния, значительный отток мусульманского населения города в другие регионы страны просто не могли не сказаться на культурном облике города. Хотя он и смог до последнего времени сохранить свои отдельные уникальные черты.

Список источников и литературы

1. Бахтин А.Г. Образование Казанского и Касимовского ханств. – Йошкар-Ола: Марийский государственный университет, 2008. – 252 с.
2. Беляков А.В. К вопросу о вероисповедании служащих Посольского приказа второй половины XVII века // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). – М.: Издательский центр Института российской истории РАН, 2003. – С. 64–70.
3. Беляков А.В. Касимовские татары – станичники, толмачи и переводчики Посольского приказа // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т. II. – Рязань: Издательство Рязанского областного института развития образования, 2001. – С. 36–42.
4. Беляков А.В. г. Касимов XV–XVII вв. как сакральный центр Чингисидов в России // Верхнее Подонье. Природа. Археология. История. Т. II.: История. Этнография. Искусствоведение. – Тула: РИФ «Инфа», 2004. – С. 153–161.
5. Беляков А.В. Частная жизнь Чингисидов в России XVI–XVII в. С. 96–101 // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Электроника. Информатика. № 7 (62) 2009. Вып. 10. – Белгород: Издательство БелГУ. – С. 96–101.
7. Беляков А.В., Моисеев М.В. Сююн-бике: из ногайских степей в касимовские царицы // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т. 5. – Рязань: Издательство Рязанского областного института развития образования, 2004. – С. 32–44.
8. Вельяминов-Зернов В.В. Исследования о касимовских царях и царевичах. Ч. I. – СПб.: Тип. имп. Акад. наук, 1863. – 558 с.
9. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. II. – СПб.: Тип. имп. Акад. наук, 1864. – 498 с.
10. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. III. – СПб.: Тип. имп. Акад. наук, 1866. – 502 с.
11. Горделевский. Элементы культуры у касимовских татар. (Из поездки в Касимовский уезд) // Труды Общества Исследователей Рязанского края. Вып. X. – Рязань: Рязгостиполитография, 1927. – 35 с.
12. Горский А.А. Москва и Орда. – М.: Наука, 2001. – 214 с.
13. Зимин А. А. Витязь на распутье: феодальная война в России XV в. – М.: Мысль, 1991. – 286 с.
14. Кузьмин А.В. Крещенные татары на службе в Москве: К истории Телебугиных и Мячковых в XIV – первой половине XV века. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2002. № 3. – С. 5–23.
15. Холмогоров В. Переписная книга по городу Касимову за 1646 (7154) г. // Труды Рязанской ученой архивной комиссии 1891 г. Т. VI. – Рязань: Типография губернского правления, 1892. – С. 5–10, 19–24.
16. Полное Собрание Русских Летописей. – М.: Языки русской культуры, 2000. Никоновская летопись. – 272 с.
17. Рахимзянов Б.Р. Русские княжества и наследники Золотой Орды в XV в.: начальная история Касимовского ханства // *Rossica antique: Исследования и материалы.* 2006. – СПб.: Издательство Санкт-петербургского университета, 2006. – С. 360–386.
18. РГАДА. Ф 131 (Татарские дела). 1646 г. Д. 6.
19. РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1615 г. Д. 4.
20. Селезнев Ю.В. «А переменит Бог Орду...» (русско-ордынские отношения в конце XIV – первой трети XV вв.). – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2006. – 160 с.
21. Селезнев Ю.В. Элита Золотой Орды. – Казань: «ФЭН», 2009. – 232 с.
22. Трепавлов В.В. Тюркская знать в средневековой России. // Элита и этнос Средневековья: Сборник статей. – М., 1995. – С. 127–134.
23. Хорошкевич А.Л. Русь и Крым: От союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI в. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 336 с.
24. Шарифуллина Ф.Л. Касимовские татары. Историко-этнографическое исследование традиционной народной культуры середины XIX – начала XX веков // Рязанский этнографический вестник. Вып. 33. – Рязань, 2004. – 128 с.

Беляков Андрей Васильевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-культурного сервиса и туризма Рязанского филиала Московского психолого-социального института; feb@ru.ru.